

НАКОПИТЕЛИ

продолжение проекта » ЭНЕРГИЯ ПОБЕД

ФОСФОРНЫЕ ОРЛЫ
автор: Александр Олексюк

 ЕЛАМЕД

Александр Сергеевич Олексюк Фосфорные орлы. Сборник рассказов про пожилых людей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69422218

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга журналиста и писателя из Челябинска Александра Олексюка раскрывает секреты активной и созидательной жизни в любом возрасте. Истории, основанные на реальных событиях, мастерски усилены художественными образами. Оглянитесь, эти люди живут рядом с нами, и, возможно, героем следующей истории станете именно вы. Сборник рассказов будет интересен и полезен самому широкому кругу читателей, но особенное удовольствие от прочтения получают именно пенсионеры.

Содержание

Введение	4
Хвостик	8
Зинина кукла	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Олексюк Фосфорные орлы. Сборник рассказов про пожилых людей

Введение

Кто такие «фосфорные орлы»?

Автор книги рассказов со столь необычным названием, писатель и журналист Александр Олексюк, дает целых два определения этой аллегории.

В одноименном рассказе возникает образ статуэтки, так часто встречающейся в сервантах советских людей – фигурки птицы, покрытой фосфорным составом. Днем она была бледно-зеленоватой, обыденной, зато в темноте излучала яркий свет. Побывав в Музее СССР, основанном в поселке Тербуны Липецкой области энтузиастом Александром Колесником, гости учреждения культуры увидели эту птицу – и сравнили ее с основателем музея.

– Старичок и сам как тот орел фосфорный, – задумчиво проговорил более романтичный, склонный к сентиментальным сравнениям Игорь Иваныч, – светится в темноте. Свет

собирает в себя и отдает.

А в рассказе «Хвостик» говорится, что его главный герой, бывший моряк Анатолий Хвостик, «всегда излучал такое поразительное жизнелюбие и энергию, что казалось, от него можно запитывать автомобильные аккумуляторы».

Эти броские и зримые образы становятся лейтмотивом книги Олексюка. В ней восемь рассказов: «Хвостик», «Зинина кукла», «Значок “Федерация плавания СССР”», «Сливовица на мышьяке», «Паромная переправа», «Фосфорные орлы», «Прощеное воскресение», «Лыжегоночный комбинезон Николая Круглова». Каждый рассказ посвящен истории какого-либо преодоления, демонстрации человеческих сил и возможностей. Поэтому вся книга в целом становится сводом положительных примеров, как человек может и должен прожить свою единственную бесценную жизнь, чтобы, прибегая к словам классика, «потом не было мучительно больно». Способы реализации прописаны самые разные – от предпринятого «на закате лет» мотоциклетного путешествия на Байкал до многолетних занятий спортом или трудновыполнимого пари во благо земляков. Но все истории роднит одно: люди совершили некий прорыв, не склонились перед судьбой и не отступили перед обстоятельствами. Книгу с такими главными героями читать одно удовольствие.

Особую ценность позитивным рассказам Олексюка придает то, что все они основаны на реальных событиях, а не являются плодами писательского воображения. Их главные ге-

рои живут, что называется, рядом с нами: например, знаменитые парашютисты Зинаида Курицына и Владимир Колесник – в Рязанской области, бывший директор школы олимпийского резерва, пловец и спасатель Станислав Вязовский – под Самарой, путешественник-мотоциклист Анатолий Хвостик – на Кубани...

Как критик я двойственно отношусь к документальной прозе. Но для некоторых тем она просто незаменима. Реалистичная подоплека всех историй рождает уверенное понимание того, что каждый способен поступить так же. Не обязательно прыгать с парашютом или обследовать арктическое побережье – но обязательно найти в своей повседневной жизни цель и занятие, которое придаст ей смысл и одухотворенность и послужит людям. К тому же Олексюк нашел оптимальный, на мой взгляд, слог для своих сюжетов. Он беллетризирует биографии своих героев и находит удачные приемы для литературного «оживления» текстов.

Это позволяет читателю почувствовать себя очевидцем и участником обрисованных событий, провести время интересно и с пользой.

Сафронова Елена,

прозаик, литературный критик-публицист, член Русского ПЕН-центра, Союза писателей Москвы, Союза российских писателей, Союза журналистов России, редактор рубрики «Проза, критика, публицистика» литературного жур-

нала Союза писателей Москвы «Кольцо ”А“»

Страна надежно укрыта незримым куполом, чудным покровом, непроницаемым сводом, тверже которого нет ничего на свете, ибо возводят его незыблемые опоры – добрая Память, гордое Терпение, сердечная Радость, могучая Сила, священная Власть, благородная Ярость и великий Замысел.

М. Ю. Елизаров. «Библиотекарь»

ХВОСТИК

– Стой! Стой! Подожди! Куда ж ты поехал? – по разбитой сельской дороге, утопая в облаке пыли, бежала женщина в ситцевом халате. В одной руке она держала пару стоптанных кроссовок, а другой размахивала вслед мужу, уезжающему на мотоцикле.

Рев мотора 50-летней «Явы» цементировал крики, к тому же на голове Анатолия Хвостика блеснул старый мотоциклетный шлем, похожий на часть детского резинового мячика, разрезанного надвое. Тем не менее мотоциклист услышал зов, но не ушами, а каким-то неведомым шестым чувством, какое иногда возникает между супругами, отметившими рубиновую свадьбу – сорок лет брака.

«Ява» остановилась, ее хозяин не стал глушить двигатель, а, придерживая мотоцикл ногой, развернул туловище и строго спросил:

– Ну, что там еще?

– Обувь возьми. Посмотри, в чем ты поехал! – перекрикивая звук мотора, запричитала женщина и протянула мужу кроссовки.

– Ах ты ж... Точно! – Анатолий поправил шлем и взял пару за язычки. Он надевал ее редко, поэтому смотрел на башмаки с некоторым подозрением.

На его ногах чернели сланцы, надетые поверх носков.

В таком виде, конечно, можно преспокойно ездить по станции, в сельпо, на речку, и даже заезжать в райцентр – никто и слова не скажет – но для дальней дороги «домашняя» обувь не годилась. Мало ли дождь или, чего доброго, снег.

– Спасибо, Ларис, – мужчина чмокнул в щеку жену и стал возиться с кроссовками.

Женщина беспокожно смотрела, как супруг сосредоточенно завязывает шнурки, и теребила поясok халата. Мысль о том, что она вновь отпускает его куда-то к черту на кулички, в лихое авантюрное путешествие на старой «Яве», неприятно холодила сердце.

– На, отнеси в дом, – сказал мотоциклист, протягивая сланцы жене.

– Кинь в рюкзак. Ты ж на озеро едешь, может, там пляж есть. На пляже-то в кроссовках не походишь, а тут сланцы, – усмехнулась Лариса, подавив тревогу, клокочущую внутри.

– А ведь действительно пригодятся, – сказал Анатолий и спрятал сланцы в утробе желтого туристического рюкзака. – Давай теперь, скажи.

Мотоциклист весело смотрел на жену.

– Да ну тебя, – отмахнулась она с полуулыбкой.

– Ну мать, скажи, – уговаривал путешественник.

– Ладно, бог с тобой, – засмеялась женщина. – Семь футов под килем.

– И ты на мель не нарвись! – по старой матросской традиции ответил мотоциклист, подмигнул и поддал газу.

На корме «Явы» развивался тщательно отглаженный и бережно выстиранный флаг ВМФ СССР.

– Ты звони там! Каждый день! Как договаривались! – кричала Лариса, провожая глазами супруга.

«Иконку я ему передала или нет?» – уже тише, сама у себя спросила женщина, потом припомнила: «Передала».

«Ява» – не по возрасту резво – скакала по колдобинам грунтовки и вскоре скрылась за поворотом.

Житель станицы Старотитаровской Анатолий Хвостик крепко держал руль. Его большие и заскорузлые руки скручивали морские узлы во время службы во флоте, перебрали несметное количество моторов и карбюраторов, сажали яблони и кусты жимолости, укачивали детей, обнимали любимую жену Лару.

Ему уже под семьдесят, он до хруста наполнен днями, большую часть которых тяжело и натужно работал. Первую профессию – водоноса – освоил в 10 лет.

Однако несмотря на суровый спартанский быт и труд, дядя Толик, как называли его жители станицы, всегда излучал такое поразительное жизнелюбие и энергию, что казалось, от него можно запитывать автомобильные аккумуляторы.

«Я хоть и Хвостик, а в хвосте жизни плестись не привык», – часто говорил он.

Не плестись в хвосте жизни ему помогала железная боевая подруга – «Ява 350» чехословацкой сборки. Он прикипел к мотоциклу, как гайка прикипает к болту и даже слы-

шать не хотел о покупке чего-то другого.

«Ты сколько денег вбухал в эту дуру. – говорили соседи и цокали языками. – Сотни тысяч! Мог себе взять “Ямаху”».

«В гробу я видел вашу “Ямаху”», – беззлобно отвечал дядя Толик.

Как-то раз «Ява» уже возила Хвостика на «дальняк»: из Краснодарского края он уехал в Кронштадт – отметить 50 лет со дня призыва на флот, где служил три года. Это время Анатолий без иронии называет подарком судьбы. Над их с супругой кроватью, словно картина, висит идеально чистая форма матроса ВМФ СССР. Отправляясь ко сну, уже седовласый моряк всегда смотрит на нее и будто бы наслаждается запахом водорослей и соленой морской воды.

В этот раз он снова отправился к воде, но уже не к соленой – к пресной. На чудесное озеро Байкал, помочить ноги в котором мечтал с детства. Подлатал «Яву», взял рюкзак, армейскую плащ-палатку, спальный мешок и атлас автомобильных дорог. Собрался в путь.

«Пенсия – это не повод сидеть на одном месте и покрываться паутиной, я еще Байкал не смотрел», – как-то сказал он за семейным ужином.

Дети, привыкшие к неугомонному, страстному характеру родителя, не пытались его отговорить – знали, что бесполезно. Разве что предложили купить смартфон в дорогу, но Анатолий ему не доверял.

«Там будет навигатор. С картой сверяться. Бать, тыся-

чи километров! Это ж не шутки. Давай тебе смартфон купим», – говорила дочка.

«Ну и что мне твой смартфон? Карта надежнее, она не сломается, не разрядится», – отвечал Анатолий.

«Так возьми и карту, и смартфон», – настаивала дочка.

«Да ну его. У меня кнопочный, он зарядку по две недели держит», – отмахивался Хвостик.

«Будешь про путешествие свое рассказывать всему миру во «ВКонтакте», разве плохо?» – внезапно нащупала подход дочка.

Дядя Толик задумался. В принципе он спокойно относился ко всему новому, имел технический склад ума и много лет провел в компании с гаечным ключом и паяльником, но опасался, что смартфон станет мучительно отвлекать на себя внимание. А он ехал смотреть Россию в ее пыльной дорожной реальности, а не через камеру телефона.

«Это, получается, в интернете, что ли, рассказывать?», – спросил Анатолий.

«Ну да», – ответила дочь.

Хвостик сдался, идея показалась не такой уж и плохой, ведь разделенная радость – двойная радость. Это нехитрое правило он усвоил с юности – с тех пор как женился и стал всем делиться с Ларисой.

«Ладно, купим. Расскажешь, как пользоваться», – махнул рукой Анатолий.

Хвостик выехал в путешествие в разгаре лета с картой

автомобильных дорог и смартфоном. Ночевать планировал в придорожных гостиницах, но допускал, что иной раз придется прикорнуть и под березкой. В районе Саратова, проехав терпкие, прожаренные солнцем степи, дядя Толик решил переночевать в перелеске.

Стояла ясная безветренная погода. Солнце клонилось к закату, ночь обещала быть по-июльски теплой и не дождливой.

Хвостик присмотрел небольшую рощу, неподалеку от крохотной, едва живой деревушки.

Съехал с трассы на грунтовку, припарковал «Яву» в зарослях малинника, а сам начал готовить место для ночлега. Первым делом достал плащ-палатку – гениальное изобретение! На ней тащат раненых, в ней легко укрыться от непогоды, из нее можно сделать даже полноценный плот, если набить полотнище соломой и крепко связать. Так поступали красноармейцы в войну при форсировании рек.

С помощью пары крепких веток и веревки дядя Толик – тертый калач – превратил плащ-палатку в жилище. Развел костер, в прокопченном армейском котелке заварил пару пакетиков «Принцессы Нури» и, прихлебывая горячий чай, медленно, одним пальцем – с непривычки – стал писать очередной пост в социальные сети и выкладывать фотографии во «ВКонтакте». На удивление в этой глуши ловил мобильный интернет.

Солнце село. Двурогая луна в ночном небе вызывала ка-

кие-то теплые далекие воспоминания. Где-то он ее уже видел. В книжке! «Вечера на хуторе близ Диканьки» – вспомнил дядя Толик и долго лежал в палатке, произвольно воскрешая в памяти гоголевские мотивы. На ракетно-дизельном катере «Рыбачий» Балтийского флота, где служил моряк Хвостик, имелась хорошая библиотека, и он за три года перечитал все, что не успел объять в школе.

Вскоре Гоголь, усталость, терпкие запахи июльского леса стали играть в игры с сознанием Анатолия. Чудилось, что кто-то бродит вокруг рощицы и будто бы воет. «Волки, что ли?», – подумал дядя Толик и решил не спать, поддерживая костер – они огня боятся, не подойдут. «Или, может быть, черти?» – вдруг мелькнуло на периферии ума. «Да какие черти? Дурень!» – сам себя выругал Хвостик, но на всякий случай проверил, на месте ли иконка Сергия Радонежского – жена всегда передавала образ святого, когда ее благоверный решал куда-нибудь умчаться на своей верной «Яве».

Иконка лежала где положено – в бардачке мотоцикла. Стало спокойнее, но вой или даже мычание еще долго не прекращались. Под утро усталый путник все-таки задремал. Когда он проснулся, костер уже потух, ярко светило солнце.

«Ну слава богу, не подошел серый, испугался», – пробормотал про себя Анатолий и решил сходить в деревню, соорудить нехитрый завтрак. Обычно в пути он питался хаотически, как придется: консервами, «дошираками», пирожками, или в придорожных кафешках. «Там не то что в городе –

не отравят. Дальнобойщика попробуй отрави, в следующий раз поедет по этой дороге, и за добавкой явится... с монтировкой», – резонно считал Хвостик и с удовольствием заказывал борщи и котлеты.

На завалинке ветхого покосившегося дома сидел старичок с живыми маслянистыми глазами и колючей седой щетиной. На его плечах висел засаленный пиджак, надетый на футболку с надписью FIFA WorldCup 98. Дедушка задумчиво смотрел на соседнюю улицу и курил.

– Здравствуйте, – поздоровался Анатолий.

– Здравова, коль не шутишь, – с любопытством оглядывая незнакомца, ответил дедок.

– Я здесь проездом, отец, где у вас тут магазин?

– А нет магазина, был да сплыл.

– Это как так, сплыл? – удивился Хвостик.

– Очень просто. Закрылся. Ольга – хозяйка – в райцентр переехала, и все. Раз в неделю армяне приезжают на «газельке», привозят продукты, продают. Вчера вот были.

– О как, – дядя Толик задумался. – А картошки продашь, отец? Запеку.

– Скажешь тоже – «продашь». Я так просто дам. Обижаешь, – усмехнулся старичок и еще раз оценивающе осмотрел поджарую фигуру Хвостика. – Кстати, какой я тебе отец? Мы, чай, ровесники. Тебе сколько лет?

– От 1954-го.

– А я от 1952-го. Ровесники. А ты говоришь – отец.

Старичок улыбнулся и протянул руку.

– Петр.

– Анатолий, – Хвостик пожал сухую, колючую, как наждачка, ладонь.

Его новый товарищ действительно выглядел старше своих лет и казался мумифицированным – высох, как мотылек, угодивший в ловушку между оконными стеклами.

– Глухие у вас тут места, – сказал Толик, принимая пакет с картошкой.

Петр отсыпал щедро.

– И не говори, глухие, – кивнул дедок.

– Волки водятся, – сказал Толик.

– Ну уж, загнул – волки. 70 лет здесь живу и никаких волков никогда не видел. Да и не мог видеть. Тут же завод фосфорных удобрений за пригорком, я там всю жизнь оттарабанил, волков и в помине быть не может. Правда, и людей тоже. Рабочие из города едут, в деревне не селятся, вот она и вымерла.

– Я вчера ночевал во-о-н в той роще, – Хвостик показал рукой в сторону своего бивака. – И всю ночь вокруг нее ходил волк, выл.

– Вон той рощи? – уточнил Петр.

– Ну да.

Старичок внезапно расхохотался и даже выронил сигарету.

– Ох, насмешил! Волк! Это Володька – сосед. Вчера

приезжали армяне, он купил у них бутылку, наклюкался. А у него корова. Последняя осталась в селе. Заблудилась. Вот он ее и искал, а чтобы сманить – стал мычать или выть, уж не знаю, насколько хорошо у него получилось изобразить корову, но я даже отсюда его слышал.

Хвостик тоже расхохотался.

– И что, как? Нашел корову?

– Не-е-е, пьяный заснул, тут у меня на крыльце. Корова сама вернулась. Она поумнее будет человека, тем более Володи.

– Супруга ваша поди его с крыльца согнала?

– Да не. Какая супруга. Я один живу, бирюком, можно сказать. С женой еще в 90-е развелись, дети в Саратове. А я на пенсии, доживаю. Так ведь ее называют – пенсию – «время дожития», – грустно сказал Петр.

Возникла пауза. Ровесники сидели на завалинке, попеременно вздыхая.

– Слушай, я у этого самого Володьки молоко покупаю. Будешь молоко с хлебом? Купил вчера аж четыре буханки, мне все не съесть. Зачерствеет. Издалека, стало быть, едешь?

– Издалека. С Кубани. На мотоцикле.

– О! Ну даешь. А куда? – удивился Петр.

– На Байкал хочу посмотреть, – сказал Хвостик.

– Это зачем? Чего на него смотреть, озеро и озеро, – пожал плечами дедок, а потом встрепенулся и добавил

– Ты это, подожди меня здесь. Я сейчас, мигом, молоко

принесу. Поболтаем. Мне же и разговаривать тут, по сути, не с кем, с телевизором только – три канала ловит – а с Володькой-дураком говорить не о чем.

Через минуту явился Петр с буханкой хлеба, двумя эмалированными чашками и бидоном молока. На завалинке расстелили газету «Саратовские ведомости», хлеб Петр поломал руками.

– Хлеб нож не любит, его руками надо ломать, – деловито заметил Петр и разлил молоко.

Оно было холодное и вкусное, как в детстве.

– А чего ты в город к детям не уедешь? – спросил Хвостик.

– Нужен я им больно. Они, конечно, никогда не признаются, но я стану обузой. Не хочу. Здесь доживу, сколько той жизни осталось, – философски заметил дедок.

– Это не повод тратить остаток впустую, – сказал Хвостик и хлебнул молока. – Ты же еще бодрый и не пьешь, похоже. Чего сидеть, усыхать?

– Не пью, – согласился Петр. – На заводе все пили, а мне с молодости это противно. И жена так говорила, ты, мол, Петя, какой-то пустопорожний, как чемодан без ручки, лучше бы ты пил. А я и не пил, все ждал чего-то всю жизнь, ждал и ждал.

– А чего ждал?

– А вот и сам понять не могу. Жизни ждал. Помню, в школе, когда учился, ждал, что окончу восьмилетку, пойду в ПТУ в Саратове, и вот тогда-то начнется настоящая жизнь!

Окончил, пошел в ПТУ. Три года учился на машиниста котлов, думаю, все это суета, сон, ерунда, ремесло освою и в армию пойду. Там уж жизни хлебну, мир посмотрю, – Петр сделал большой долгий глоток. – Пошел в армию, на Тихоокеанский флот. Специально попросился на флот, чтоб подольше служить, три года, а не два.

– Флот! Надо же! И я на флоте служил! – стукнул себя по коленкам Хвостик.

– На каком?

– На Балтийском.

– О-о-о. Мы с тобой, получается, матросы.

– А то!

– Три года ходили. Однажды даже в Кейптауне были. Представляешь? Знаешь, где это?

– Ну, конечно, в Африке, – пережевывая хрустящую корку, ответил Хвостик. – Я и сам в кругосветку ходил. Дважды был в дальних секретных походах.

Дядя Толик просиял, вспоминая это.

– И я был, и в кругосветке, и в походах, но как-то опять все чего-то ждал. Надоели мне эти чайки, крабы, вода куда ни глянь. Заскучал. Думаю, пойду на дембель. Вернусь в Балаково – это город у нас тут рядом – и на завод устроюсь. Буду жить, может, квартиру дадут, женюсь. Так и вышло: женился, жена Надежда, хорошая, но глупая баба, – Петр вспомнил супругу и ухмыльнулся. – Квартиру, кстати, тоже дали в Балаково. Дети пошли, туда-сюда, завертелось,

но знаешь, все словно мимо меня вертелось. Иной раз сижу и целый вечер в окно смотрю. Жена подходит, говорит, ты чего там высматриваешь, не видно ни зги. А я плюну и спать пойду.

Петр говорил, и голос его был глухой, задумчивый и печальный, словно раздавался из погребца.

– Потом жена нашла другого. Тот, кстати, пил и даже, как мне рассказывали, входную дверь пропил. Дети к тому времени уже выросли, разъехались кто куда. А я как на пенсию вышел, в родительский дом переехал, сюда вот, мама у меня здесь жила. В 89 лет померла. Квартиру детям оставил, дочке. Парень, сын, в меня пошел – тоже странный какой-то, отказался от своей доли в квартире. Сестре, сказал, батя, оставь. Так я всю жизнь и провел в зале ожидания. Вот и сейчас жду, – резюмировал Петр.

– Это чего же ты сейчас ждешь? – спросил Хвостик.

– Как чего? Известно чего – смерти, – твердо и даже решительно сказал старичок.

– Слушай, у вас тут телефон ловит и интернет даже есть, – перевел разговор на другую тему дядя Толик.

– Это из-за завода нашего, удобрений. И на том спасибо, – ответил Петр.

– Есть у тебя смартфон?

– Есть, дочка подарила, на 70 лет.

– Добавь меня во «ВКонтакте». Я в интернет все выкладываю, путешествия свои. Коли никуда из своего зала

ожидания не выходишь, может, посмотришь, как я выхожу, а там и сам встанешь, кости разомнешь. Фамилия моя Хвостик. Легко найти.

– Найду уж.

– Ну, бывай, – сказал дядя Толик, протягивая руку старичку.

– Семь футов под килем! – уже веселее сказал Петр.

– И ты на мель не нарвись, – ответил Хвостик.

Мужчины рассмеялись. Анатолий подхватил пакет с картошкой и отправился в сторону рощи, где ждали палатка, костровище и остывшая за ночь «Ява».

Общий путь до Байкала занял более 20 дней. Иногда дядя Толик сбивался с пути, когда навигатор в смартфоне – его Хвостик называл «тетенька» из-за голоса – говорил одно, а карта автомобильных дорог твердила другое. Несколько раз «Ява», уставшая, как ломовая лошадь, отказывалась ехать дальше, и дядя Толик ее чинил. Благо знал каждую косточку своей «лошадки», а люди, которые попадались ему на пути, всегда были готовы помочь.

Хвостик миновал Иркутск, Ангарск и наконец доехал до Байкала. Огромная, до самого горизонта, гладь воды, напомнила ему о службе на Балтийском флоте, бескозырку, потрясающие морские закаты. Сложно было поверить, что это гигантское озеро наполнено пресной водой. Хвостик прислонил к дереву мотоцикл, надел сланцы, как завещала Лара, взял кружку и отправился к берегу озера-великана.

Вода была холодной и слегка отдавала железом. Он выпил целую кружку и долго смотрел, как охотятся чайки. В ту ночь, под сводами плащ-палатки ему приснилось, будто он встал на кровать в их станичном доме, снял со стены матросскую форму и впервые за долгие годы надел ее. На удивление она оказалась в самый раз. В этой форме он куда-то шел по дорожке, ему вслед смотрела Лариса, дети и почему-то все плакали.

Хвостик решил не задерживаться и на следующий день, заварив на байкальской воде крепкого чая, отправился обратно. Перед этим отправил в социальные сети дюжину фотографий потрясающих байкальских видов. Какая-то колючая, непонятная тревога гнала его обратно, в станицу, к Ларе, дочке с сыном и внукам.

Между Тольятти и Саратовом, фура, груженная астраханскими арбузами, не пропустила «Яву» Хвостика, выезжая со второстепенной дороги, и толстым мохнатым шмелем стукнула мотоцикл в бок. Хвостик удивленно хмыкнул и не успел даже выругаться, как провалился в тяжелую тихую черноту...

– Вы знаете, что родились в рубашке?

Стройный широкоплечий доктор склонился над кроватью отделения реанимации и с улыбкой смотрел на пенсионера, вся правая часть лица которого была одной сплошной ссадиной.

– Надо же, живой, – удивился Хвостик, оглядывая боль-

ничную палату.

– И это странно, – сказал доктор. – И куда вас черти понесли на этом драндулете?

– На Байкал, – бесхитростно ответил Хвостик.

– Да мы в курсе, что на Байкал, уже позвонили вашей дочке. Хорошо хоть телефон не разбился, – врач достал из подмышки Хвостика градусник.

Одна рука у Анатолия была в гипсе.

– 37.4. Нормально, завтра вас переведут в общую палату. Его благодарите, – доктор указал на небольшую иконку Сергия Радонежского, прислоненную к стене на прикроватной тумбочке. – Вылетела из бардачка, ребята на «скорой» нам передали.

Потянулись длинные больничные дни. Хвостик каждый день общался с родными, перечитывал Гоголя и писал посты в социальных сетях.

Однажды дверь распахнулась и в палату бочком зашел какой-то мужчина в пиджаке и кремовых брюках. В руках он держал пакет.

– Привет, моряк! Не потонул, слава богу, – у порога стоял Петр. Свежий, бодрый, словно помолодевший.

– Ого, а ты как тут? – удивился Хвостик.

– Ну я же нашел тебя во «ВКонтакте», разве не видел, что я тебя лайкал? – Петр присел на край кровати, пакет поставил в ноги. – Ну, смотрю, ты в больнице. Ехать недалеко, решил навесить, молока вон тебе привез от Володьки. Мед-

сестра разрешила. Можно тебе молока?

– Да не знаю. Можно наверно, спасибо, – ответил Хвостик.

Он был рад, что этот случайный, практически незнакомый человек, как-то промежду прочим, случайно, стал его другом.

Петр разлил молоко. Хвостик привстал, свободной от гипса рукой взял кружку, сделал глоток.

– Я читал твои заметки. Знал, что ты в больнице. Думаю, подожду еще чуток, может, и поеду, навещу. А потом про себя думаю, а чего ждать-то, вдруг его к тому времени уже выпишут. Взял, молока в бидон налил, на автобус сел и поехал. Сколько можно ждать-то, – сказал Петр.

– Правильно, нечего ждать.

– Вот и я про то же. От тебя, кстати, к дочке поеду, давно ее не видел. А потом, может быть, и к жене. Хахаль-то ее помер еще лет 10 назад. Дети рассказывали. Говорили, она одна живет и меня ждет-поджидает, что вернусь, а сама звонить боится.

– Дождется значит, – сказал Хвостик.

– Дождется, – ответил Петр и просветлел.

В открытое окно палаты залетел мотылек, несколько секунд кружил под потолком и сел на плафон. Август подходил к концу.

Зинина кукла

В ту ночь Зинаида долго не могла уснуть: пьяный, густой запах шафрана почему-то не успокаивал, а будоражил ум, гладил его против шерсти. В голову лезла всякая чепуха: обрывки фраз, картины уходящего за горизонт леса, парашютные стропы, стянутые в тугие белобрысы косы, маленькие, как муравьи, люди и домики.

Сознание опытной парашютистки ворочалось и зудело. Так часто бывало перед первой сотней прыжков – оно и понятно, страшно. Однако над ее головой полосатый купол раскрывался уже 3,5 тысячи раз. Если сложить минуты, которые в свободном падении провела «королева воздуха», чемпионка СССР по парашютному спорту, мировая рекордсменка Зинаида Курицына, то набежит несколько суток. Как путь на поезде из Рязани в узбекскую Фергану, куда Зина приехала на сборы.

Было жарко: южная горячая ночь просачивалась в номер через открытую форточку и расплывала липкое чувство тревоги.

«Закрою, пожалуй. Все равно и так и так духота. Может, хоть запах уйдет», – подумала Зина, скинула тонкую простыню и потянулась к окну.

Это помогло. Вскоре 30-летняя чемпионка провалилась в нервный, поверхностный сон. Приснилось, будто она,

как обычно перед прыжком, проверяет парашют. Он лежал на столе, его освещали лучи заходящего солнца. Парашют почему-то был очень маленьким, словно игрушечным. Во сне Зина понимала, что в самом деле готовит его для игрушки, своей любимицы Марины – огромной куклы размером с девочку-пятилетку. Отец Зины привез ее под новый 1953-й год из Москвы. «В «Детском мире» купил! Том самым», – весело сказал папа, протискиваясь в прихожую.

Зина на всю жизнь запомнила этот момент – улыбочивый отец, пахнувшей снегом, «Казбеком» и мокрым тулупом, большая коробка с Мариной и ощущение такой сумасшедшей, надрывной радости, что пришлось с силой сжимать кулачки.

В тот день Марина стала лучшей подружкой Зины. Она была как живая и молчаливо выслушивала девичьи секреты чуть ли не до тринадцатилетия своей хозяйки. Потом игрушка поистрепалась, потемнела лицом и, наконец, отправилась сначала в темный зев антресолей, а потом куда-то исчезла, не выдержав переездов.

«Ушла Маринка», – однажды грустно сказала Зина, перебирая старый хлам, собранный по сусекам и кладовым.

А вот во сне Марина сидела рядом, на детском стульчике, расписанном под хохлому. Нарядная, свежая, будто только с магазинной полки, в невесомом голубеньком платье, пластиковых туфельках, гольфах. На голове белел аккуратно повязанный бант.

«Как же она прыгать-то будет? В таком-то платье. Нужен костюм, а где его взять?», – подумала во сне Зина, но решила заняться этим позднее, когда убедится, что парашют в порядке, а значит Мариночка в безопасности.

Она внимательно, наметанным глазом осмотрела каждую деталь парашюта, каждую потрогала, подергала, затянула. Все крошечное, но очень искусно, ювелирно сделанное. Маленький узел контровки петли звена к кольцу на ранце, маленький фал гибкой шпильки, маленькая лента-завязка...

«Какой ладный парашютик, как настоящий», – улыбнулась Зина, подхватила его за лямки, обернулась, чтобы передать Марине, но вдруг обнаружила себя в самолете.

Она летела над землей, в своем малиновом комбинезоне, локон волос выбился из-под шлема и неприятно лез в глаза. Дверь АН-24 раскрыта, под крылом золотилось пшеничное поле.

«Зина, держи!», – перекрикивая ветер, прокричал тренер и протянул девушке тот самый крошечный парашютик.

«Это же для куклы!» – успела крикнуть девушка, балансируя у края выхода.

«501, 502, 503, 504, кольцо!»

Марина полетела вниз, зажимая в руках парашютик.

«Что с ним делать?! Он же маленький!» – с ужасом подумала спортсменка и стала вертеть его в разные стороны. Страх нарастал и сковывал мысли. Зина дернула колечко – почему-то обручальное. Раз! Два! Три! Не поддается. Дер-

нула еще сильнее, еще, еще, и в итоге оно оказалось между большим и указательным пальцами.

«Должен же быть запасной! Где он?», – закричала Зина, глотая воздух. Девушка смотрела в разные стороны, искала выход, надеялась на чудо, ждала, что вот-вот из этого кукольного парашютика выпорхнет белый купол, и она почувствует знакомый рывок. Но парашютик «молчал».

А тем временем земля становилась все ближе и ближе, однако внизу раскинулось уже не золотое поле, а родной двор в подмосковном Егорьевске, где родилась и выросла Зина. Она видела его с высоты птичьего полета.

«Вот бы у меня были крылья», – печально подумала девушка и, кажется, смирилась со своей участью. Зина постаралась расслабиться, как учили в аэроклубе, выпустила из рук бессмысленный парашютик, но через мгновение пришла в себя от жуткого грохота. На все лады грянул гимн Советского Союза!

Внизу оркестр Военно-воздушных сил РККА выдувал медь. Тромбоны, валторны и трубы блестели на солнце. В этот же момент девушка заметила, что летит аккуратно в жирное сиреневое пятно. Она чувствовала свою траекторию всеми мышцами тела, ведь сотни раз «снайперски» приземлялась строго в мишень, в самое яблочко, ставя рекорд за рекордом.

Пятном оказался куст сирени, росший под окнами их дома. В детстве Зина пряталась в его густых ветвях, вдыхала

свежий, волшебный запах, поила Марину чаем из игрушечной кружки, угощала кусочкам песочного пирога. Куст сирени был добрым соседом, своим парнем, другом: у него собирались на лавочке и пели песни под гармонь, играли в домино, слушали позывные «радио-Маяк»: «...в Иркутске – двадцать часов, в Чите – двадцать один, во Владивостоке и Хабаровске – двадцать два, в Южно-Сахалинске – двадцать три, в Петропавловске-Камчатском – полночь».

За долю секунды до падения Зинаида почувствовала, что словно замедлилась. Щеки прохладно щекотали цветы сирени, она опустилась в них, как в перину, и проснулась.

– Ну ты соня! Вставай скорее, завтрак пропустим, – весело сказала стройная, длинноногая Аня Кулагина, – Или ты на диете? Тут все такое жирное, кошмар! И шафран этот еще, надоел до чертиков. Воньца! Фу!

Аня сморщила лицо и бросила на кровать Зины вафельное полотенце.

– Я тебя на улице подожду! Иди умывайся.

Зина пробормотала «ага», спустила ноги с кровати и несколько секунд внимательно смотрела на деревянный пол, выкрашенный темно-коричневой масляной краской. Сон прочно схватил спортсменку за голову и не хотел отпускать. Казалось, что в комнате пахнет сиренью, а не шафраном.

Весь день до самого вечера Зину не покидало колючее чувство тревоги. На ночь был запланирован прыжок. У нее

пропал аппетит, опустилось лицо.

– Зинка, да что с тобой? Бледная как поганка. – забеспокоилась Аня.

После обеда они прогуливалась по раскаленным, обветренным улицам восточного города.

– Как первый раз, в самом деле. Какой по счету у тебя прыжок?

– 3500-й, – спокойно, без тени хвастливости ответила Зина. – Я же с 16 лет прыгаю. А могла бы и в 15 прыгнуть, когда впервые на аэрокружок пришла. Но там набор уже закончился, сказали через год явиться.

– Ну вот, и чего ты боишься? – Аня задумчиво пнула носком камушек, он красиво, по параболе, полетел и ударился в бежевую стену мазанки.

– Да я не боюсь. Просто сон видела. Станный.

– Как парашют не раскрылся? – Аня с усмешкой посмотрела на подругу.

– Ну да. Практически. Маленький был, для куклы. А я в куст сирени спланировала, который у нас под окнами рос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.